Адвокатская газета
Орган Федеральной палаты адвокатов РФ

Материал выпуска № 6 (383)
16-31 марта 2023 года
Печатный выпуск

Алексей Залесов
адвокат АП г. Москвы, патентный поверенный, управляющий партнер АБ «А. Залесов и партнеры», к.ю.н.

Дела с участием иностранных лиц в условиях санкций
О процессуальных трудностях российских заявителей (на примере патентных споров)

Под санкции нередко подпадают не только юридические и физические лица, но и иностранные патенты. Возникают сложности с получением юридической помощи, проблемы с доступом к иностранному правосудию и к государственным, муниципальным и иным услугам. Иностранные патентные поверенные отказываются оплачивать пошлины, ставя под угрозу действие патентных прав на территории соответствующего государства. К тому же и российское процессуальное законодательство не учитывает влияние режима санкций.

С 2014 г. мы уже привыкли к сообщениям о том, что со стороны иностранных государств по отношению к нашей стране и к нашим соотечественникам вводятся в действие все новые и новые недружественные односторонние ограничительные меры (так называемые санкции). После начала специальной военной операции санкционный режим постоянно ужесточается. Санкционное давление касается не только россиян, включенных в различные «проскрипционные» списки, но и любых наших соотечественников и российских организаций, имеющих какой-то бизнес или просто активы за рубежом.

Неожиданно оказалось, что и иностранные патенты на изобретение, которые получили на свои разработки российские технологические фирмы, оказались тем самым уязвимым активом, который может подвергаться санкционному прессу. Зачастую именно сложности с получением юридической помощи, а также проблемы с совершением необходимых действий вызывают существенное затруднение при доступе к иностранному правосудию, а также при попытке получения различных государственных, муниципальных и иных административных услуг. Например, иностранные патентные поверенные зачастую отказываются выполнить поручение по уплате ежегодных патентных пошлин, что ставит под угрозу действие патентных прав на территории соответствующего государства, поскольку по закону пошлина может быть уплачена только через патентного поверенного, а сроки для уплаты весьма сжатые. Также отмечаются случаи, когда фирмы европейских патентных поверенных отказываются представлять интересы россиян в делах по спорам о действительности европейских патентов, полученных ими, а именно – по оппозициям и апелляциям, рассматриваемым в Европейском патентном ведомстве, а также национальными патентными офисами и судами. Между тем профессиональное представительство европейского патентного поверенного или адвоката (в зависимости от процедуры) здесь также является обязательным, поэтому такой отказ ставит российского патентообладателя в трудное положение. Отказ от представительства интересов россиян отмечался нами и со стороны американских адвокатов патентных практик.

Интересно, что прямого запрета на оказание патентно-правовых услуг ни в одной из недружественных юрисдикций со стороны органов власти пока не введено. Более того, в нормативных документах Министерства финансов США прямо указано, что уплата патентных пошлин в России американским компаниям разрешена, т. е. американские власти понимают важность поддержания патентного портфеля своих корпораций в нашей стране. Следовательно, санкции по отношению к российским патентообладателям – это частная инициатива иностранных коллег по юридическому цеху. Справедливости ради нужно сказать, что до сих пор всегда возможно найти альтернативный вариант представителей как в странах ЕС, так и в США, поскольку не все коллеги считают необходимым к «частным санкциям» присоединяться. Однако можно с уверенностью констатировать, что в настоящее время за рубежом наши соотечественники сталкиваются с целым комплексом правовых проблем как ввиду прямых санкций органов власти, так и в связи с действиями представителей местного юридического сообщества.

Известно, что основополагающим принципом построения международно-правовых отношений является принцип взаимности. То есть в ответ на ужесточение мер по отношению к российским гражданам и организациям в доступе к правосудию в недружественных странах можно было бы ожидать похожего по сути усложнения положения иностранных лиц, усложнения и для них обращения к судебной или административной системе нашей страны. Однако можем однозначно констатировать: в этой части Российская Федерация ни в коей мере не ответила на односторонние меры иностранных правительств.

И все-таки поистине поразительным, а потому заслуживающим внимательного рассмотрения является тот факт, что из-за введенных иностранными правительствами и частными компаниями санкций оказался существенно затруднен доступ российских лиц к правосудию в Российской Федерации по делам с участием иностранцев. То есть иностранные санкции настигают россиян в ряде случаев и в процессах, имеющих место в отечественных судах, существенно ограничивая их права, ущемляя интересы.

Какие трудности испытывают россияне в настоящее время в отечественных судах, в частности, в патентных спорах в процессах с иностранным элементом?

Во-первых, из-за введенных за рубежом запретов на платежи, а также на доставку почтовой корреспонденции значительно возросли сроки и стоимость получения заверенных документов (выписки из реестра), необходимых для подачи иска. В зависимости от страны происхождения сроки доставки документов растянулись на многие недели, а иногда и месяцы. Стоимость получения заверенной выписки из иностранного реестра, ранее составлявшая 50–100 долларов, теперь нередко достигает нескольких тысяч долларов США (в зависимости от страны).

Между тем отечественное процессуальное законодательство и позиция Верховного Суда РФ требуют, чтобы заверенная выписка из иностранного реестра юридических лиц была получена не ранее чем за 30 дней до подачи иска. С учетом затруднений в доставке корреспонденции из недружественных стран иногда это просто невозможно.

Во-вторых, надлежащее уведомление иностранного оппонента и направление ему соответствующих документов (исковое заявление, определение и проч.) также становится дорогостоящим квестом с негарантированным результатом.

В-третьих, российские суды, также испытывая сложности с уведомлением иностранцев, встали на позицию жесткого требования соблюдения всех установленных в законе моментов, связанных с надлежащей заверкой оригиналов и уведомлением иностранцев, что приводит к длительным отложениям дела.

Это явление – результат формального применения действующего российского процессуального законодательства, которое никак не учитывает влияние режима санкций. Можно показать, что действующее отечественное процессуальное законодательство не просто исходит из принципов наибольшего благоприятствования и национального режима для иностранцев, но при декларативности равенства сторон процесса порождает фактические трудности для российских лиц в спорах с иностранцами.

Известно, что формальное равенство по закону зачастую фиксирует и закрепляет преимущество более сильной в материальном и организационном плане стороны. Фактическое неравенство при формальном равенстве иностранцев и россиян в арбитражных судах было не очень заметно до момента введения первых санкций в 2014 г.

Однако и тогда уже были сложности с уведомлением иностранной стороны, а также взысканием расходов. Например, взыскать сумму судебных расходов с иностранца далеко не всегда получалось не только ввиду возможного отсутствия признания решения российского суда (это зависит от страны), но просто поскольку расходы за рубежом на взыскание превысят присужденную российским судом сумму. Для обращения в российский арбитражный суд иностранцу-истцу не требуется вносить судебный депозит для покрытия возможных судебных расходов ответчика, что может быть нормальной практикой в стране его происхождения.

После введения многочисленных санкций неравенство стало гораздо более заметным. Можно на примерах из конкретных судебных патентных споров показать, что буквальное применение норм российских процессуальных законов судами в современных реалиях и действия ограничительных мер приводят к сложностям при сборе и представлению документов иностранного происхождения в установленные сроки. Все это ведет к вполне очевидному нарушению права российских заявителей на рассмотрение спора судом в разумный срок. Тем более, что, как мы покажем ниже, срок в патентных спорах играет почти определяющее значение.

Сложности в представлении заверенных документов, приводящие к значительному удорожанию, а также затягиванию процесса, основаны на применении положений, изложенных в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 23). В них разъяснено, что из взаимосвязанных положений п. 9 ч. 1 ст. 126, ч. 1 ст. 253, ч. 3 с. 254 АПК РФ следует, что в случае, когда истцом или ответчиком является иностранное лицо, к исковому заявлению прилагается документ, подтверждающий нахождение лица под юрисдикцией иностранного государства, его организационно-правовую форму, правоспособность и содержащий сведения о том, кто от имени юридического лица обладает правомочиями на приобретение гражданских прав и принятие гражданских обязанностей. Такой документ определяется на основании личного закона иностранного лица (например, выписка из торгового реестра страны происхождения).

Непредставление доказательств, подтверждающих юридический статус и право на осуществление предпринимательской и иной экономической деятельности иностранного лица, является основанием для оставления искового заявления без движения в соответствии с ч. 1 ст. 128 АПК РФ.

При этом в п. 24 Постановления Пленума ВС РФ № 23 отмечено, что по общему правилу документы, подтверждающие юридический статус иностранного лица и право на осуществление предпринимательской и иной экономической деятельности, должны быть получены **не ранее чем за 30 дней до обращения истца** в арбитражный суд (п. 9 ч. 1 ст. 126 АПК РФ). В случае если документы требуют консульской легализации или проставления

апостиля, то такая легализация должна быть совершена (апостиль – проставлен) **не ранее чем за 30 дней до обращения истца** в арбитражный суд, а сам документ при этом должен быть получен в разумные сроки до начала осуществления консульской легализации (проставления апостиля).

Указанное Постановление Пленума ВС РФ № 23 было принято до ужесточения санкций в условиях проведения специальной военной операции. И теперь его строгое исполнение арбитражным судом может стать почти непреодолимым препятствием на доступ к правосудию в России по иску к иностранцу из недружественной юрисдикции.

Очевидно, что соблюсти указанные в нем 30-дневные сроки на получение выписки до обращения в суд из иностранного реестра – требование почти невыполнимое в условиях фактически неработающего сообщения между странами.

В случае если иностранец является патентообладателем, а спор касается действительности патента (т. е. спор может окончиться признанием патента недействительным), то затягивание спора патентообладателю объективно выгодно. Максимальный срок действия патента ограничен во времени (стандартный срок в 20 лет), пока патент не оспорен, он действует. На рынке знают, что определенный продукт охраняется патентом, и вывод аналога на рынок повлечет за собой ответственность. Часто патентообладатель направляет соответствующие письма-претензии о наличии патентных прав участникам рынка. Например, в фармацевтике затягивание патентного спора позволяет патентовладельцу все это выигранное время реализовывать свой дорогостоящий оригинальный препарат в условиях отсутствия воспроизведенных препаратов. Иными словами, затягивание спора о действительности патента патентообладателем – это стандартный прием, который гарантированно обеспечивает его монопольное право.

Часто спор о действительности российского патента иностранного патентовладельца начинается уже после того, как в иных юрисдикциях (чаще всего в Европейском патентном ведомстве или в США) патент-аналог на то же самое изобретение успешно оспорен и признан недействительным. В российское дело представляются те же ссылки из уровня техники, что уже были рассмотрены за рубежом. Очевидно, что в таком случае имеются определенные обоснованные ожидания того, что патент не устоит в аналогичном споре, хотя национальное судопроизводство везде имеет особенности, и никаких гарантированных дел не бывает.

Оппоненты могут возразить: первоначально патентоспособность патента проверяется по поданному возражению в Палате по патентным спорам Роспатента в административном порядке. Все верно. Однако точку в рассмотрении важных споров о действительности патента ставит именно суд, поэтому только это судебное решение вносит правовую определенность в отношения сторон.

Приводящее к длительному отложению применение действующих норм процессуального законодательства арбитражным судом может выглядеть, в частности, так: «Представитель третьего лица, являющегося иностранным юридическим лицом, в судебное заседание не явился. Отсутствие доказательств извещения иностранного лица о судебном процессе с его участием в соответствии с частью 1 статьи 158 АПК РФ является безусловным основанием к отложению судебного заседания.

Суд, предприняв попытки извещения третьего лица по представленным заявителем адресам на территории Российской Федерации, пришел к выводу об отсутствии доказательств надлежащего извещения компании.

В связи с тем, что у суда не имеется достоверных сведений о наличии у иностранного лица на территории Российской Федерации органов управления, филиалов, представительств, предварительное судебное заседание по настоящему делу подлежит отложению с учетом необходимости соблюдения порядка извещения таких лиц, предусмотренного частью 3 статьи 253 АПК РФ, и вытекающей из этого необходимости продления срока рассмотрения дела на срок не более чем на год».

Примечательно, что в судебном заседании, назначенном более чем через шесть месяцев, зачастую суд указывает, например, следующее: «...установлено, что ввиду ограничения почтового обмена по доставке писем и посылок направить соответствующий пакет документов для извещения иностранного лица в Швецию не представлялось возможным. При решении вопроса о направлении судебной корреспонденции за рубеж необходимо руководствоваться информацией о возможности доставки соответствующей корреспонденции в страну назначения на официальном сайте акционерного общества “Почта России” (ограничения почтового обмена)» и дополнительно откладывает рассмотрение спора.

При этом во многих случаях у иностранных лиц имеются профессиональные представители на территории Российской Федерации с надлежаще оформленными доверенностями, с которыми они являются в тот же суд регулярно по другим спорам, а спустя отведенное судом продолжительное время приходят в заседание и по отложенному делу. Данные представители, будучи уведомленными о споре, получали копию искового заявления, но охотно пользуются предоставленным судом отложением, поскольку оно объективно выгодно их иностранному клиенту.

Попытки российской компании указать суду на это обстоятельство и на надлежащее уведомление представителя в рамках предусмотренной законом попытки ускорить рассмотрение дела путем обращения к председателю суда эффекта не имеют. Выносится отказное определение со следующим типичным обоснованием: «... из представленного заявителем документа не представляется возможным достоверно установить местонахождения предполагаемых представителей компании на территории Российской Федерации.

Кроме того, представленная истцом в материалы дела копия доверенности является снятой копией документа, не заверенная надлежащим образом. Названная копия документа не может достоверно свидетельствовать об уполномоченных лицах филиала, представительства или представителях ответчика по настоящему делу.

Адрес представителя для направления корреспонденции, указанный в материалах дела № <...>, не может быть принят в качестве доказательства местонахождения уполномоченного представителя компании на территории Российской Федерации при рассмотрении настоящего дела».

С таким ограничительным подходом судов трудно согласиться. Если у иностранной компании имеется профессиональный представитель в России (адвокат или патентный поверенный) с действующей доверенностью на представление интересов в российском суде, не ограниченной конкретным делом, то уведомление такого представителя является уведомлением его иностранного доверителя по любому делу.

Описанные выше цитаты, взятые из конкретных дел, находящихся на рассмотрении российских судов, наглядно иллюстрируют затруднения со своевременным доступом к правосудию российских заявителей ввиду сложностей в уведомлении иностранного патентообладателя, привлеченного в качестве ответчика или третьего лица в процесс. Они приводят к выгодному для последнего затягиванию рассмотрения дела.

Хочется надеяться, что наши суды выработают более взвешенные подходы к толкованию нормативно установленной процедуры уведомления иностранного участника процесса (в частности, имеющего представителя в России), чтобы не допускать санкционного ущемления прав на своевременный доступ к отечественному правосудию российских истцов и заявителей.